

ПЕРВОЕ РУКОПОЖАТИЕ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье на материале советской истории и книги М.В. Раца «О собирательстве» автор размышляет о феномене библиофильства, книжной культуре и личной биографии.*

Ключевые слова: *библиофильство, книжная культура, социология чтения, биография.*

Заниматься наукой невозможно без чтения книг и статей, написанных предшественниками и современниками. Между тем эта возможность все более блокируется. Приведу пару свежих примеров¹. С.А. Иванов пишет: «То, что в западных научных журналах обычно составляет больше половины объема: рецензии, обзоры, аннотации, — у нас, наоборот, сократилось. И это свидетельствует о том, что наша наука не составляет сообщества, люди не ощущают своего профессионального долга — не в том, чтобы похвалить друга или обругать врага, а в том, чтобы просто прочитать работу неизвестного автора и сообщить, что нового эта работа вносит. К сожалению, ощущение совместного поля, которое мы коллегиальными усилиями обрабатываем, отсутствует, и это очень прискорбно»². С этой констатацией перекликаются суждения П. Уварова: «...иногда мне случается говорить, что никакого будущего у нашей науки нет, все очень плохо, сообщество умерло. Вот сейчас никто друг друга не читает, не пишет рецензии. Так сообщество себя не ведет. Кстати говоря, в этом отношении сообщество историков в Украине сильнее. Гораздо сильнее! Здесь пишут злые рецензии друг на друга, а потом рецензии на эти рецензии и так далее... И так может длиться годами! У нас же все настолько разобщено по разным дисциплинарным нормам, что друг до друга никому дела нет»³.

Итак, большинство российских ученых прекратило читать. На первый взгляд, это явление можно считать элементом общего кризиса науки в России. Однако такой вывод был бы преждевременным. Ведь научное сообщество в СССР так и не сложилось. Главным образом потому, что большинство российских ученых считает «нормой» не чтение и рефлексию о

¹Благодарю М.В. Раца, который обратил на это внимание.

²См.: http://www.russ.ru/layout/set/print/culture/besedy/nasha_nauka_ne_sostavlyayet_soobschestva

³См.: <http://polit.ru/lectures/2010/03/23/history.html>

действительности, а «служение государству». Тем самым ученый становится лакеем политической бюрократии.

Между тем чтение — главная часть моего жизненного опыта. Никакого «кризиса чтения» я никогда не испытывал. Разве что в том смысле, что не успеваю читать все интересное. Большинство моих друзей и приятелей — это авторы книг и статей. Высказанные ими идеи я считаю интересными, поскольку они могут составить почву для обсуждения и спора. В современной аналитической философии спорность (оспариваемость) концептов квалифицируется как важнейший критерий всего словаря науки. Я полагаю, что на основе большей или меньшей спорности идей возникает чувство «избирательного сродства» (метафора Макса Вебера) с автором прочитанной книги. Если же он читал твои книги, то не исключено, что аналогичное чувство у него возникнет по отношению к тебе. Например, в одной из недавно подаренных книг написано: «Дорогому коллеге Виктору Павловичу с признательностью за ощущение „избирательного сродства“ и надеждой на дальнейшее сотрудничество». Так генерируется невидимое сообщество, в котором книга становится не просто носителем информации, а стимулом и свидетельством определенного чувства к ее автору.

Иногда чувство преобразуется в любовь на всю жизнь. Ведь всякая серьезная мысль невозможна без прочной опоры на страсть. Значит, у читателя книг число потенциальных друзей значительно больше, чем у того, кто ничего не читает. Для читателя весь мир состоит из множества незнакомых потенциальных оппонентов и друзей.

Время от времени такие встречи происходят. Недавно забарахлила моя автотелега. Поехал на станцию техобслуживания, разговорился с автомехаником. Тот оказался буддистом. Да не простым, а увлекающимся идеями Унгерна. Про этого барона я тоже кое-что читал. Поэтому спросил автомеханика: «Неужели ты хочешь исправить Европу и повторить поход Чингисхана?» Об этом мой автомеханик не думал. Он почесал затылок и сказал: «Причем тут Европа? Я недавно прочел, что существовал проект направить отряд калмыков на Восток, чтобы там тоже сделать мировую революцию. Может быть, потому, что калмыки выполняли во Всевеликом Войске Донском карательные функции?» На этот вопрос я ничего вразумительного сказать не мог. Зато у нас возникло общение. Теперь оно не имеет никакого отношения к починке автомобилей. А направлено на осмысление великой мудрости евразийства...

Короче говоря, книги выводят нас за пределы повседневности. Они воспаляют воображение. Наполняют голову идеями, не согласными с окружающей действительностью. И могут руководить нами среди реальной и фигуральной житейской грязи. Поэтому опыт других читателей становится бесценным.

Прошедшим летом я прочел книгу Марка Владимировича Раца «О собирательстве». На тему собирательства книг ничего нового я сказать не могу. Свою библиотеку называю «походной». Наверное, потому, что из армии вернулся с двумя чемоданами книг. Их подарил мне начальник штаба дивизии на день Ракетных войск и артиллерии. Он заметил мою книжную страсть. До сих пор держу минимум книг, обслуживающих оперативные потребности научного труда. Но мои читательские интересы всегда были шире научных. Точнее, мои научные интересы есть следствие читательского опыта. Неожиданных собеседников и единомышленников встретил среди участников дискуссии, посвященной обсуждению книги М.В. Раца⁴. Пусть эта заметка будет моим запоздалым включением в дискуссию. Опоздавшему полагается штрафная. Вместо нее произнесу спич.

---

⁴См.: Книга в системе общения: вокруг «заметок библиофила». Второе издание, исправленное / авт.-сост. М.В. Рац. — М.: Наследие ММК, 2006.

Марк Владимирович — незаурядный человек. Не только потому, что он соединил в себе таланты ученого-геолога, методолога и собирателя книг. Есть веская причина признать универсальность его жизненного опыта.

Рац пишет, что в нем сидит дух противоречия. Этот дух стимулировал оппозицию Раца к советской школе и советскому обществу. Уже в юности Марк Владимирович зафиксировал расхождение между официальной идеологией и реальной жизнью. Осенью 1956 г. произошла венгерская революция. Ее подавила советская военно-политическая машина во главе с Никитой Хрущевым. Рац тогда учился в московском вузе. Вместе с коллегами-студентами потребовал снять ненавистного проректора по учебной работе. Участвовал в выработке «опозиционной платформы», согласно которой партия должна управлять, а не командовать комсомолом. Обсуждать с молодежью все предполагаемые решения. Такая позиция вполне вписывалась в нормы советского режима. Но власть испугалась. В институт дважды приезжала Фурцева — почти второй человек в государстве. «Тогда я имел случай, — пишет Марк Владимирович, — лично убедиться в поразительной изворотливости и полнейшей беспринципности наших политиканов»⁵.

Этот эпизод сыграл определяющую роль в жизни Раца. Он приобрел опыт активного противостояния естественному течению событий. Данный опыт оказался решающим в его научной работе. А затем в уходе из традиционной науки.

С этим фактом связана типология советских биографий, которую предлагает Рац. Биография в контексте истории — вещь общеизвестная. Об этом написано тысячи мемуаров. Но биография как история требует анализа. Все привыкли к истории человечества, общества, государства. Марк Владимирович имеет в виду историю индивида. Строим ли мы свою собственную историю осмысленно и целенаправленно? Или же она формирует нас, используя в качестве матриц обстоятельства и условия нашей жизни? Если мы предпочитаем второй вариант ответа, то ее лучше назвать не историей, а судьбой. В тоталитарной системе человек теряет способность к рефлексии и мышлению, теряет свою личность. Способен лишь на социально и природно обусловленную деятельность и поведение.

Личная история пластична и лабильна, общественная жестка и упруга. Усилия для воздействия на общественную историю редко бывают успешными. Естественное полагание мира, в котором все предопределено и законосообразно, — средство насаждения всеобщего конформизма. Личная проблема каждого — поиск оснований для неконформизма. «Человек — кентавр, и тащить свою телегу, упираясь копытами, стоит только ради замыслов, выношенных в голове»⁶.

Становление личной истории — культурная норма человеческой жизни. «Биографией как собственной историей, — пишет Марк Владимирович, — обладают лишь немногие: подавляющее большинство людей довольствуется ролью игрушки в руках судьбы. В этом смысле стоит, может быть, различать биографию-1 — последовательность событий и происшествий в жизни индивида (родился, женился, учился... — как в знаменитом «листочке по учету кадров») и биографию-2 — последовательность целенаправленных и рефлектируемых действий, поступков, совершаемых личностью, набравшейся окаянства строить жизнь по-своему, как говорится, наперекор судьбе или, точнее, поверх ее прихотливых зигзагов, на ее материале»⁷. В СССР мало кто рисковал создать биографию-2. «Это явление обычно описывают словами „потеря духовности“ (курсив мой — В.М.)... В силу исторических причин на-

⁵Рац М.В.. О собирательстве. Заметки библиофила. — М.: НЛЮ, 2002. — С. 54.

⁶Там же. — С. 58.

⁷Там же. — С. 51.

званная тенденция особенно характерна для нашей страны, где мышление и мыследеятельность систематически уничтожались на протяжении трех четвертей века»⁸.

Рац критически относится к «позитивным» знаниям, психологии, философии и педагогике в их советских вариантах, а также к любым вариантам проповедничества. Еще более критичен он в отношении советских социальных институтов, включая общественные организации. «Советское библиофильство» было особым социокультурным феноменом типа «социалистической законности», «советской культуры» и «социалистического реализма». Любые формы социальной организации в СССР были смесью с ДОСААФом⁹. В них рождались образцы двоемыслия.

В СССР в обществе книголюбов числилось почти 20 млн. человек. Страна считалась самой читающей. На деле книголюбов было несколько сотен на всю страну. Советская книжная торговля была дурдомом. В конце советской эпохи индекс запрещенных книг насчитывал более 10 тыс. изданий. А в «самые мрачные годы реакции» Российской империи (в 1911 г.) число книг, запрещенных по постановлению суда, было менее полутора тысяч¹⁰. Советская система была громадным пунктом духовной кастрации. Советская культура — это «культура хамства» (по определению Л. Невлера). Советская политика и культура превращали большинство людей в эпигонов. «Я так и остался бы при своих догадках, — пишет Рац, — если бы не встретил на своем жизненном пути новых людей»¹¹.

Вместо чтения «Белой березы» и «Кавалера Золотой звезды» Рац ходил в букинистические магазины. Дореволюционные издания способствовали трансляции культуры. В процессе чтения этой литературы Марк Владимирович догадался о бездне мысли, которая содержится в словах В. Шкловского, сказанными Смирнову-Сокольскому: «Я думал, что Вы собираете книги, а книги собрали Вас!».

Из сказанного вытекает кредо Раца: «Только самоопределяясь и занимая определенную позицию, можно формировать соответствующую этой позиции картину мира и интересующего нас предмета. Все остальное будет заведомой профанацией, в какие бы научные одежды оно не рядилось»¹². В жизни Марка Владимировича библиофильство *связало* биографию-1 с биографией-2. «Судьба распорядилась так..., что существенной частью моего мира оказалось библиофильство. В юности оно компенсировало мне недоступное (по причине «пятого пункта») гуманитарное образование; в годы „застоя“ наполнило жизнь деятельным содержанием, которого не могла дать загнивающая наука. Ему я в значительной степени обязан образованием и сохранением собственной личности»¹³.

Подлинными собирателями книг были исключением из общего советского правила. Сформировать свою личную библиотеку — это исторический процесс. На него уходят десятилетия. «Одни книги (как и люди) приходят в нашу жизнь, чтобы остаться в ней навсегда, другие появляются в ней ненадолго, третьи — однодневки — лишь мелькают на периферии наших интересов»¹⁴. В итоге книжное собрание приобретает неповторимый облик.

⁸Там же. — С. 60.

⁹Сегодня уже мало кто помнит, что этой аббревиатурой обозначалось Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту.

¹⁰Там же. — С. 65.

¹¹Там же. — С. 32. Марк Владимирович рассказывает о своей маме и друге родителей Л.В. Розентале, который «...был, наверное, наиболее типичным в моем окружении представителем последнего поколения, духовно сформировавшегося в досоветское время. Общение с ним задавало тот контекст истории и теории культуры, самоопределение в котором совершенно чуждо советскому человеку». Там же. — С. 38.

¹²Там же. — С. 13.

¹³Там же. — С. 46—47.

¹⁴Там же. — С. 51.

Короче говоря, для Марка Владимировича чтение и соби́рание книг стало опытом сопротивления советским нормам. Марк Владимирович размышляет о традиционном делении на «свое» и «чужое». «Культуру своего региона, — пишет он, — мы впитываем, что называется, с материнским молоком. Гораздо труднее понять, что она локальна и преходяща, „свое“ и „чужое“ симметричны, а само это деление относительно. Лишенные возможности путешествовать за границу и отгороженные марксистской догмой от подлинной истории, советские люди в массе своей не имеют такого понимания (отсюда и подзабытый уже невзоровский „нашизм“ — по сути своей идеология дворового хулигана, ставшая „политикой“, — и межэтнические конфликты). В этом смысле книжная культура незаменима, а задача ее распространения актуальна, как никогда: ведь каждое издание наглядно представляет культурный регион, и только для фундаменталистов (исламистов, фашистов или коммунистов) книги делятся на „наши“ и „не наши“»¹⁵.

Действительно, в современной России обострилась проблема книжной культуры¹⁶. В СССР доступ к иностранной литературе по социальной и гуманитарной проблематике был ограничен, свободная дискуссия парализована. Советские «интеллектуалы» знали, что можно и что нельзя упоминать. Это уничтожило интеллектуальную честность при изложении позиций братьев по профессии. Сформировало цинизм в понимании и интерпретации проблем. Выхлостило исследовательскую этику и когнитивные интересы. Советская власть интеллектуально кастрировала большинство ученых. Разрушила связь автохтонной науки с зарубежной. Инициировала привычку пользоваться рефератами при отсутствии контроля над тем, что и как излагал автор-референт. Эти навыки перешли в систему высшего образования, порождая полужнаков и дипломированных невежд с апломбом. Нынешний книжный рынок в сфере социальных наук не обеспечивает свободный доступ к многообразию интеллектуальных культур. Резко сокращены закупки актуальной иностранной литературы и периодики. Из 10 запросов на иностранную литературу в библиотеках выполняются 1—2. Еще хуже обстоит дело с научной периодикой. Россия в интеллектуальном плане становится островом. Атрофируются наиболее сложные формы репродукции культуры, включая социальные и гуманитарные науки. Усиливается разрыв между мировой и отечественной наукой.

Б.В. Дубин констатирует: до настоящего времени российское образованное сообщество закрыто для сложных западных идей. Об этом свидетельствует удельный вес переводов в структуре книгоиздания. Заимствования идут главным образом через каналы массовой культуры (тривиальную беллетристику, детскую литературу, эзотерику). Под шапкой «Философия, социология, психология, история» примерно одна треть всех названий переведенных книг принадлежит паралитературе (магия, мистика, гадания, гороскопы, психологические наставления по семейной жизни и деловым отношениям, развлекательные истории о пиратах и знаменитых дамах, «загадках прошлого»). Основной поток переводов составляет массовая культура (дамский, исторический, авантюрный роман, фэнтези, детективы). Чем ближе мы подходим к проблемам политики, государства и права, тем меньше удельный вес переводов, тем более закрытыми для внешнего взгляда и оценки оказываются эти области работы. Это ограничивает возможности научной работы, понимания, усвоения, интеллектуальной рецепции.

Пора сделать резюме. Чтение — это выработка опыта активного противостояния естественному течению событий. Каждый должен найти собственные основания для нонконформизма. У большинства нынешних жителей России нет биографии как истории. Они являются «социобиоидами» (если использовать терминологию Г.П. Щедровицкого) или социализиро-

¹⁵Там же. — С. 187.

¹⁶См.: Дубин Б. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы // НЛО. — 2005. — № 74.

ванными мухами и тараканами (если предпочесть терминологию М.К. Петрова). Нынешняя система формирования библиотек и книжный рынок остаются элементами закрытого общества. В царской России было запрещено полторы тысячи книг, в СССР больше десяти тысяч. Значит, советский обскурантизм был выше царского в семь раз. Теперь надо детально описать все формы постсоветского обскурантизма. Формально разрешено все, на деле правительство и книжный рынок России навязали опытным читателям проблему: как противостоять указанным тенденциям? Книги Раца можно рассматривать как один из важных этапов осознания этой проблемы и вытекающих из нее множества конкретных тем дискуссии.

Марк Владимирович пишет, что через пять рукопожатий все люди на земле оказываются знакомыми друг с другом. Буду рад, если эта публикация исполнит роль первого заочного рукопожатия.